

ФРАНЧЕСКО ВИДОТТО

ОНЕСТО

Fiction

Москва

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
В42

Francesco Vidotto
ONESTO

Перевод с итальянского Полины Дроздовой
Дизайн обложки Виктории Лебедевой
Иллюстрация на форзаце Марии Кьяры Базиль

Видотто, Франческо.
В42 Онесто: роман / Франческо Видотто; [пер. с итал. П. Дроздовой]. — М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 304 с. — (Имена. Зарубежная проза).

ISBN 978-5-389-30080-4

«Онесто» — исцеляющая поэтичная книга, которая учит нас отпускать, чтобы заново открыть для себя жизнь.

Однажды в штормовую ночь из окна своего дома в Доломитовых Альпах начинающий писатель Франческо замечает старика, попавшего в беду, и предлагает ему кров. Так он знакомится с Гвидо Континио по прозвищу Коньяк, чье лицо, словно скалы, испещрено морщинами, а в бездонных синих глазах отражается горное небо.

На следующий день Гвидо Континио показывает Франческо берестяную шкатулку, а в ней — стопку старинных писем, адресованных вершинам окрестных гор. Они написаны мужчиной, называющим себя Онесто, который потерял все, что у него было, но несмотря ни на что считал себя самым богатым человеком в мире.

Письма, полные семейных тайн, ужасных происшествий и торжества жизни, а еще невыразимой любви, которая бурным потоком несется через весь двадцатый век.

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-389-30080-4

© 2025 Giunti Editore S.p.A., Firenze-Milano
Bompiani является импринтом Giunti Editore S.p.A.
www.giunti.it
www.bompiani.it

© Дроздова П., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

*Никогда не позволяй,
чтобы кто-то верил в тебя больше,
чем веришь в себя ты сам.*

Один потрясающий школьный Учитель

Писать книгу — означает вывернуть себя наизнанку.

Нужен увлекательный сюжет, интересные герои, подходящее место действия, ловко закрученная интрига, но одного этого мало.

Это не значит сесть за стол, открыть блокнот, устремить взгляд на чудесный вид за окном и ощутить прилив вдохновения.

Это значит заново прожить жизнь, где снова будет все: и горе, и радость, и разбитое сердце, и боль потери. Все, что было когда-то пережито.

Это значит плакать, ощущать бешеный стук сердца, мучиться до смерти, беречь старые раны, которые человеческая природа старается затянуть, борясь за собственное выживание.

Если писать и трудно, то как раз поэтому: тебе нельзя позволять своим ранам затягиваться.

Ты должен тревожить и беречь их, чтобы они оставались открытыми, потому что именно из них ты черпаешь истинные эмоции.

В полной мере переживая, в полной мере заново ощущая свои раны, ты о них рассказываешь.

И все это из острой необходимости сохранить память, не дав забвению одержать верх над скоротечным временем.

Однажды, несколько лет назад, я встретился с директором одного крупного издательства.

Нам нужно было обсудить дату выхода моего романа, и я отправился к нему в Милан. Я приехал туда на поезде, прямиком из Доломитов.

Добрых полчаса мне пришлось провести в ожидании в холле на первом этаже грандиозного здания из стекла и бетона.

Этот холл был просто огромным! При желании в нем бы целиком поместилась вся моя деревня.

Некоторое время спустя меня проводили в кабинет директора, располагавшийся на шестом этаже.

Он поднялся с места, встречая меня.

На нем был строгий серый костюм, но при этом броский яркий галстук, надетый словно для храбрости.

Приветливо улыбнувшись, он пожал мне руку и пригласил присесть.

Я видел его впервые в жизни.

— Знаешь, я ведь тоже хотел быть писателем, — так он начал наш разговор. — Я представлял, как сижу на террасе на берегу океана, лицом к морю, обдуваемый легким ветерком, который доносит аромат лимонного деревца, растущего неподалеку, но затем моя судьба сложилась иначе.

— Именно поэтому вы и не стали писателем, — откликнулся я.

— Ты так думаешь?

— Уверен. Книги пишутся не на террасе с видом на океан, а в мрачном сыром подвале, и поскольку тебе нужно выбраться из этого подвала, чтобы не умереть, ты цепляешься за то, что у тебя есть. Кому-то повезло иметь надежную лестницу, у кого-то есть хорошая работа, у кого-то — семья. А бывает, что у некоторых нет ничего, кроме ручки.

Сегодня первое ноября, и я ходил на кладбище.

Лил дождь, так что, несмотря на День всех святых, я был там в одиночестве.

Священник решил отслужить мессу в церкви, где можно было спрятаться от непогоды: такие уж нынче времена, что пары капель воды люди боятся пуще яда.

Укрывшись под своим красивым, кремового цвета зонтом, я подошел к могиле бабушки с дедушкой.

Я постоял, глядя на фотографию, запечатлевшую их вдвоем в обнимку, рассказал им немного о своей жизни, попросил у них благословения и затем пошел туда, где покоилась прабабушка Тереза. Поздоровавшись с ней тоже, я отправился бродить среди могил, читая даты рождения и смерти, имена и надписи, выбитые на надгробных памятниках, но прежде всего рассматривая фотографии.

Я всегда это делаю.

Вглядываюсь во все эти лица на фарфоровых медальонах — эти губы, эти глаза, полные надежд и воспоминаний.

Бесконечные свидетельства канувших в Лету жизней.

По сути, кладбище — это своего рода словарь, который пишется для нас временем, и каждое лицо здесь представляет свое особое определение слова «жизнь».

Если запастись терпением и научиться его читать, то здесь можно многое для себя открыть.

Погруженный во все эти мысли, я поднял взгляд вверх — туда, где над кладбищенской стеной осень зажгла рощу лиственниц желто-оранжевыми всполохами.

Дождь по-прежнему барабанил по моему зонту — все такой же сильный и монотонный.

Казалось, будто небо изливает душу, желая о чем-то мне рассказать.

Гора, мокрая и безмолвная в эти неторопливые месяцы, внушает чувство какой-то необыкновенной близости.

Именно в этот момент у меня и возникло ощущение, будто я слышу голос всех этих людей, которых уже нет на свете.

Голос приглушенный и деликатный.

Почти неслышный.

— Мы прожили жизнь здесь наверху, — повторял он, — карабкаясь по горам, и никто о нас не рассказывает.

Так говорил этот голос, тихими и ясными словами.

В этом шепоте скрывался глубинный смысл писательства, которое по своей сути является последним рубежом для спасения трагически исчезающей памяти.

Когда я вернулся домой, эта фраза все еще звучала у меня в ушах.

В камине пылал огонь. Его разожгла Лучия, коротающая со мной здесь наверху безмятежные дни и годы.

Я сел за свой всегдашний стол — тот самый, что видел, как рождаются все книги, которые мне посчастливилось написать, — достал пачку листов, хранившихся внутри небольшой черной папки, перебрал их и подумал, что наступил момент попытаться дать им новую жизнь. Это будет не так просто, потому что записи все сплошь на диалекте и часто оказывается трудно следовать ходу событий.

И поэтому, вместо того чтобы просто переписать их, как есть, я постараюсь придать им форму рассказа — насколько это у меня получится.

Так что вот он — я: сижу за столом, усеянным всеми этими словами.

Они обрывки истории Онесто — старика, писавшего послания горам.

Он составлял письмо, запечатывал его в конверт, адресовывал его одной из вершин и посылал.

Точка.

И почтальон сходил с ума, потому что не знал, что он должен делать с такого рода корреспонденцией.

Я как-то слышал об этом от бабушки, когда еще под стол пешком ходил, но потом больше ничего.

Франческо Видотто

За прошедшие годы я не раз пытался узнать о старики у пожилых родственников и друзей, но они уходили от ответа и, если удавалось, резко меняли тему. Никто не горел желанием рассказывать.

Казалось, в этой истории было что-то слишком печальное.

Слишком значительное.

А может быть, слишком неправильное.

Так продолжалось до тех пор, пока мне не довелось познакомиться с Гвидо Контином по прозвищу Коньяк.

Я увидел в окно, как он в жуткий ливень шагает по моей улице — насквозь мокрый и без зонтика.

В тот вечер был настоящий потоп — один из тех, когда вода заливает крутые горные дороги и, струясь, устремляется по ним вниз.

Спустившись, я окликнул его и предложил ему спрятаться у меня от дождя.

— С удовольствием, — согласился он. — Я спрячусь от дождя с удовольствием. Если бы с неба лилось вино, я бы отказался! Однако льется вода.

Один

Много лет назад в деревне Тай-ди-Кадоре был кинотеатр, и изредка по вечерам дедушка водил меня смотреть кино.

Мы ходили туда пешком.

Какие же это были чудесные времена!

Это происходило нечасто, потому что было роскошью, но порой случалось.

Особенно с приходом весны, когда гора пустела и здесь наверху нас оставалось немного.

Он выходил из спальни уже в шляпе, проверял, найдется ли у него в кармане несколько монет, ласково прощался с бабушкой и говорил мне:

— Пойдем посмотрим, что показывают. Хочешь?

Мне тогда было где-то около пяти лет, и я не мог поверить, что это не сон. Я соскакивал с дивана, кубарем слетал по лестнице, прыгая через ступеньку, и останавливался на крыльце под навесом.

Дедушка, не торопясь, шел за мной следом.

— Беги до ворот и жди меня там. Не переходи дорогу один, — говорил он.

И я послушно делал, как сказано.

Я вприпрыжку мчался к калитке и потом, развернувшись, смотрел, как он идет мне навстречу.

Он шел медленно, плавно и осторожно переставляя ноги, и выглядел всегда элегантно.

При любых обстоятельствах на нем были галстук и пиджак: ремонтировал ли он машину, стриг ли лужайку или просто шел за покупками.

Он не снимал их даже днем, когда после обеда ложился на часик прикорнуть. Кто был с ним знаком, тот знает!

Он не спеша подходил ко мне.

— Будь молодцом, дай мне руку.

И я слушался, потому что так привык.

У него были железные пальцы, плотным кольцом охватывавшие мою руку так, что было невозможно вырваться.

По дороге он внимательно следил, чтобы я от него не ускользнул, потому что, когда рефлексy замедляются, даже самые простые движения становятся невыполнимыми, и он знал, что не сможет догнать меня, если это понадобится.

Так что при виде приближающегося автомобиля его хватка становилась крепче, а дыхание утяжелялось, и он вновь расслаблялся лишь после того, как машина проезжала мимо.

Я вышагивал, перебирая тонкими ножками рядом с казавшимся мне высоченным дедом, и моя голова уже была полна мыслями о фильме.

— Что мы идем смотреть?

— Горы, — отвечал он.

— Ладно тебе, мы же и так все время на них смо-
трим. — Я весело смеялся. — Правда, что мы увидим?

— Горы. Правда. Очень хороший документальный фильм.

Вершины ему никогда не надоедали.

Из окна дома можно было разглядеть пик Роды, и дедушка в любой день года в точности знал, из какой его точки утром выглянет солнце.

Иногда мы устраивались на подоконнике, и он спрашивал:

— Видишь ту седловину там наверху?

— Какую?

— Вон ту, маленькую, рядом с более высокой вершиной?

— А, да.

— В первый день лета солнце выходит ровно посередине между этими камнями, — говорил он.

И каждый год 21 июня¹ солнце невероятным образом ему подчинялось — точное, как хронометр.

Вот и в тот вечер он так же остановился на полпути.

Был май, и дни уже стали довольно длинными.

— Видишь Монтанель там, наверху? — показал он, вытянув вверх палец и слегка сгибая колени в попытке стать ближе к моему росту.

Я задрал голову.

Конец улицы упирался в пустынное шоссе, сразу за ним начинался лес, а затем горизонт заслоняла отвесная каменная стена, уходящая в небо.

Именно туда и показывал дедушка.

¹ В Италии, как и в ряде других стран, смена времен года приурочена к дням равноденствия и солнцестояния, поэтому первым днем лета считается 21 июня. (Здесь и далее прим. пер.)

Вершина горы белела последним снегом вперемежку с пятнами зеленых лужаек, расплзающимися по ее крутым склонам — в прозрачном воздухе наступающего вечера она виднелась столь четко и ясно, что, казалось, до нее можно было дотянуться рукой.

— Видишь, какая красота? Прекрасное изваяние, сотворенное Господом Богом.

И он снова пустился в путь.

Кинотеатр находился напротив больших зеленых ворот казармы Кальви.

При взгляде на нее сегодня видишь старое заброшенное здание, где обитают одни лишь воспоминания об альпийских стрелках, но в те годы оно бурлило юной жизненной энергией сотен размещавшихся в нем солдат.

Как правило, кинотеатр был битком набит военными в увольнительной, которые толпами торчали здесь, убивая время.

Но только не тем вечером. В кино не было ни души.

Наверное, потому что фильм был документальным.

Не все же питали к горам такую пылкую любовь, какую испытывал мой дедушка!

Хватало и того, что они и так видели их с утра до вечера.

В кассе очереди не было, и мы подошли к окошку.

— Привет, Иво, — поздоровался дедушка.

— Здорово.

— Два билета. Для меня и моего внука.

Расплатившись, он подошел к автомату со сладостями.

— Хочешь конфету?

Я радостно улыбнулся.

Он купил две: одну мне и одну себе, потому что сладкое он обожал до безумия.

Жуя конфеты, мы отодвинули тяжелую, бордового цвета занавесь: за ней скрывалась деревянная дверь, распахнув которую, мы вошли в зал.

До начала фильма оставалось несколько минут, и все кресла были свободны.

Мы уселись на последнем ряду, ровно посередине.

Дедушка погладил меня по голове, и вот уже высоко наверху вспыхнул луч проектора и на экране появилось изображение.

Спустя почти полтора часа альпийских лугов, диких зверей, горных ручьев, хищных птиц, облаков и скалистых обрывов фильм закончился — по экрану пошли финальные титры, а в зале зажглись висиящие на стенах лампочки.

Мир снова сжался, став крошечным.

Только в этот момент я заметил, что мы были не одни.

Рядов на десять впереди нас, почти в самом центре зала, сидел человек в черном: это был священник, дон Джузеппе.

Взгляд его был устремлен на экран, а сложенные на животе руки сжимали молитвенник.

Посидев еще несколько мгновений, пока глаза не привыкли к свету, он поднялся с места и, пробираясь между неподвижно закрепленными креслами, направился в сторону прохода.

Он шел, согнувшись, держась рукой за спинки кресел, стараясь не зацепиться за сложенные сиденья и не упасть.

Дойдя до конца ряда и полагая, что теперь он в безопасности, он выпрямился и его ноги под рясой сделали последний быстрый шаг с намерением оказаться наконец там, где для них было больше простора.

И как раз в этот момент в пустом зале раздался стук его костей, ударившихся о дерево.

Потом проклятие, которое Господь Бог, разумеется, пропустил мимо ушей.

И потом тишина.

Пострадала коленная чашечка дона Джузеппе, врезавшаяся в спинку последнего в ряду кресла.

Молитвенник упал на пол, и дедушка, уже почти дошедший до массивных дверей из лиственницы, через которые нам предстояло снова выйти на улицу, обернулся.

Священник стоял, согнувшись пополам и держась рукой за колено.

— Пойдем поздороваемся.

Подойдя к дону Джузеппе, дедушка подобрал с пола и подал ему Евангелие.

— Не беспокойтесь, Отец, держите.

— Ах, это вы, Леоне. Спасибо. — И он снова выпрямился. — Мы с вами ровесники, но годы сказались только на мне.

Дедушка улыбнулся, а затем указал на меня.

— Это Франческо, мой внук.

— Сынишка Анджоветты? Ух-ты, какой чудный мальчуган, а ну-ка, покажись.

— Иди сюда, будь молодцом, — подозвал меня дедушка.

Я подошел и вцепился ему в руку.

Священник погладил меня по голове и снова принялся массировать колено.

— Если нужно, мы с удовольствием проводим вас до приходского дома, давайте пройдемся вместе, — предложил дедушка.

Вежливость для него была как запах леса: даже если ты его не чувствуешь, он есть всегда.

— Благодарю вас, но в этом нет необходимости. Сейчас все пройдет. И потом, я должен зайти на кладбище, запереть ограду и почистить кенотаф.

Дедушка кивнул и улыбнулся.

— Ну тогда хорошего вечера. Увидимся на мессе.

Мы вышли из кинотеатра и вдохнули свежий вечерний воздух.

Всю обратную дорогу мы болтали, пока не добрались до дома.

У ворот нас ждала бабушка.

Из окна гостиной падал тусклый свет, потому что бабушка, когда оставалась одна, зажигала только маленькую лампочку, чтобы не расходовать больше необходимого: когда тебе случается пережить две войны, на своем опыте учишься, что тратить лишнее всегда неразумно.

Мы вошли в дом.

Хлопая ладошкой по выключателям, я тут же зажег все светильники, и в доме стало светло как днем.

— Молодец, внучок, — сказала бабушка, не рассердившись: когда тебе случается пережить две

войны, ты радуешься, что кто-то даже не знает, что это такое — война.

— Скоро будем ужинать, — сообщила она нам, помешивая минестроне.

В ожидании я уселся за стол в гостиной.

Дедушка же открыл дверь в кабинет и тотчас скрылся, захлопнув ее за собой.

Вскочив из-за стола, я приник глазом к замочной скважине.

Эта комната на мой детский взгляд была восхитительной.

В ней хранились воспоминания всей его долгой жизни: среди них были немногие предметы, привезенные из африканского плена, его циркули времен работы в «Сименс», бережно уложенные в темно-синий бархат футляров, множество черно-белых фотографий его родителей, его жены, его самого верхом на мотоцикле Guzzi, бесконечное количество писем, написанных от руки правильным ясным почерком, старая пишущая машинка Royal и еще часы-ходики орехового дерева, которые громко отсчитывали секунды, отмечая бег времени.

Он заводил их каждое утро.

А затем, ровно в полдень, сверял их время по бою часов на церковной колокольне.

Я замороженно разглядывал все эти тщательно сохраняемые предметы и поражался, сколько всего было до меня в его жизни.

В этой комнате пахло корнями, и было так восхитительно ощущать аромат своих корней.

Дедушка сидел за столом и перед ним лежала какая-то большая книга.

На носу у него были очки для чтения в костяной оправе: их половинки держались вместе благодаря скобке, искусно закрепленной на перемычке между линзами.

Он починил их, потому что имел привычку ремонтировать все, что ломалось.

Дедушка читал внимательно, водя пальцем по каждому слову.

Вскоре он захлопнул книгу и поднялся, чтобы вернуться в гостиную.

Я отскочил от двери и поспешил сесть на свое место.

Из кухни появилась бабушка, осторожно неся в руках большую кастрюлю; водрузив ее на стол, она разлила минестроне по тарелкам.

— Ну что, вкусно? — спрашивала она после каждой отправленной мной в рот ложки.

Она вечно волновалась, что я слишком мало ем.

— Ммм! — кивал я. — Очень.

На следующее утро дедушка взял меня с собой на кладбище.

Он частенько туда ходил, потому что его старые друзья все уже были там.

Обходя могилы, он проверял, чтобы цветы были свежими, надгробные плиты — чистыми и чтобы насекомые не свили гнезд в лампадах.

Все его действия были выверенными и практичными, он привычно совершал их одно за другим, но прежде, чем уйти, он всегда подходил

к могиле матери и клал руку на железную оградку, как бы ища поддержки.

Он ненадолго опирался на нее, а затем направлялся к выходу.

В этом еле уловимом, сдержанном жесте его большие пальцы пару раз легонько хлопали по железным прутьям, и даже я, всего лишь ребенок, понимал, что свою маму никто и ни в каком возрасте не готов отпустить на небо.

Однако в тот день, прежде чем уйти с погоста, он подозвал меня к себе.

Это было недалеко от сложенной из камней без раствора стены, окружающей кладбище.

Я подошел к нему.

Он смотрел на вкопанный в землю гладкий серый камень без фотографии.

Верхняя часть камня представляла собой ровную неровную кромку, как бы повторяющую очертания горы.

— Вот здесь, Франческо, видишь?

— Что здесь?

— Кенотаф, — сказал дедушка.

— Но это же могила! — воскликнул я.

— Не совсем, — гордо объяснил он.

— Разве нет?

— Нет.

— А почему?

— Потому что здесь никто не похоронен. Это просто памятник. Чтобы помнить. Это памятник жизни, а не ее завершению.

Литературно-художественное издание
Эдеби-көркем басылым

Видотто Франческо

ОНЕСТО

Ответственный редактор *М. Смылова*

Литературный редактор *А. Миро*

Художественный редактор *В. Лебедева*

Технический редактор *Т. Тимошина*

Корректоры *Н. Иванова, П. Шевнина*

Компьютерная верстка *Ю. Фролкина*

В оформлении обложки использована фотография:

@ Ondrej Bucek / shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 01.07.2026.

Формат 84 × 108^{1/32} Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.

Тираж 2000 экз. Т-ИЗР-39233-01-Р. Заказ №

Изготовитель: Өндіруші:

ООО «Издательство АЗБУКА» «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ

115093, Москва, вн. тер. г. 115093, Мәскеу, қ. іш. аум.

муниципальный округ Даниловский, Даниловский муниципалдық округі,

пер. Партийный, д. 1, к. 25 Партийный т.ш., 1-үй, к. 25

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» Санкт-Петербург қаласындағы

в г. Санкт-Петербурге «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы

195112, Санкт-Петербург, 195112, Санкт-Петербург,

Малоохтинский пр-т, д. 68, Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,

БЦ «Регул», 2-й этаж Регул бизнес орталығы, 2-қабат

Тел.: (812) 327-04-55 Тел.: (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:

<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции

(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

